

Проблема

Череповец начала 90-х. Утро.

В автобус, переполненный хмурыми горожанами, входит маленькая, аккуратная, невесомо хрупкая старушка. Белоснежный платочек, повязанный «домиком» на белых же волосах, длинная чёрная юбка, тёмно-синяя вязаная кофта... Лукаво-насмешливый взгляд голубых глаз, молодо светящих из-под морщинистых век... «Настоящая вологодская бабуля», – умиляюсь я, уступая ей место.

– Сиди, сиди, милая, – машет она крошечной ладошкой. – Тебе, небось, цельный день работать, а я и дома насижусь...

– Можно мне?

От дверей протискивается молодая очень полная женщина, грузно опускается на сиденье и тотчас заводит популярный в те годы монолог «жрать нечего, цены бешеные, на улицу страшно выйти». Тут же у неё находятся единомышленники и оппоненты, и в автобусе вспыхивает бурный диспут на вечную тему «Кому на Руси жить хорошо».

Мы с бабушкой молча стоим в сторонке. Я смотрю на неё, размышляя, как ей удалось до преклонных лет сохранить такой ироничный, светлый взор и достоинство человека, вполне довольного жизнью.

Старушка сочувственно оглядывает толстуху и обращается ко мне:

– Эх её, бедную, ломат. Кушать нечего, а сама уж и стоять-то не может, таки телеса наела.

Поддерживаю разговор:

– Может, у неё полнота от болезни.

– Как не заболеть, коли носить на себе столько сала да в себе такую злобу?

– Но разве она не права? Посмотрите, сколько у людей проблем...

– Полно те, милая, каки таки проблемы! Много ли надо человеку? Я утром черную корочку отрезала, солью посыпала, постным маслицем полила, чайком запила – вот и наелась до вечера. Постом да молитвой тело очищается, а душа спасается... И чего шумят? Не подрались бы...

– Не волнуйтесь, людям надо высказать наболевшее. А кому? Вот, друг другу и высказывают. А вы неужели так хорошо живёте, что и проблем совсем никаких нет?

Бабуля пожимает худенькими плечиками и задумывается.

– Что ж я, святая что ли, или уже на небеса вознеслась? Есть и у меня, грешной...

Тут во мне поднимает голову журналист. Я уже вижу статью, как редакция помогла череповецкой старожилке в трудной жизненной ситуации.

– Говорите, говорите, я в газете работаю, постараюсь вам помочь.

Глядя на меня снизу вверх чистым незабудковым взглядом, лучась многочисленными морщинками, старушка рассказывает о своей проблеме.

– Кровать у меня – железная. Краси-и-ивая! Шары блестящие по верху – как новые, только вот сетка больно сильно растянулась. И то сказать, как не растянуться – почитай полвека мы с мужем, царствие ему небесное, на этой кровати спали, трёх сынов и двух дочек на ей настругали. Вот теперь, как лягу, так жопа с половицей и встретятся...

Старушка смотрит лукаво, чуть-чуть с вызовом и легко, звонко, как ребёнок смеётся.

– Может, проще новую купить? Найду спонсора и...

– Да что ты, милая! – обеими руками отмахивается бабушка. – Это ещё матери моей приданое. Потом она мне на свадьбу кровать подарила и беречь завещала. Нет-нет! Не надо новую, не надо, сетку бы только перетянуть...

Обещаю весёлой старушке поискать возможность починить дорогую её сердцу вещь и оставляю номер своего телефона.

Не вышло. В промышленном Череповце, где и сейчас производят много металла и проволоки, не оказалось ни новой сетки для раритетной кровати, ни специалиста по перетяжке этих самых сеток.

Я приготовилась уговаривать бабушку на покупку новой современной мебели, но она мне так и не позвонила.

Может, решила оставить всё как есть, потому что... ведь не святая же она и не вознеслась пока ещё на небеса – в тяжкие времена, когда все вокруг утопают в ворохе проблем, должна же и у неё быть хотя бы одна.